

Масленникова Е.М.

**Коммуникативные установки и ценностное содержание
художественного текста: границы (не)понимания***

*Тверской государственный университет,
Россия, Тверь, e-maslennikova@inbox.ru*

Аннотация. В статье обсуждается проблема непонимания коммуникативных установок и ценностного содержания текста. Успешное понимание текста, заложенных в нем автором коммуникативных установок и национально-специфичных ценностей, а также эмоционально-оценочное восприятие текста предполагает наличие у читателя достаточно развитого информационного тезауруса, включающего собственно лингвистическое знания, экстралингвистические (энциклопедические) знания и метаинформацию об организации конкретной информации. В статье представлены внешние причины, предопределяющие вариативность понимания художественного текста.

Ключевые слова: художественный текст; межкультурная коммуникация; понимание; перевод; информация.

Поступила: 04.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

* © Масленникова Е.М., 2021

Maslennikova E.M.

**Communicative goals and value content of fiction:
boundaries of (not)understanding***

*Tver State University,
Russia, Tver, e-maslennikova@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the problem of understanding and misunderstanding of communicative goals and value content of a text. Readers should possess a sufficiently developed information thesaurus to understand texts, their communicative goals and nationally specific values suggested by their authors, as well as the emotional-evaluative perception of the text. Readers should have linguistic knowledge, extra-linguistic (encyclopaedic) knowledge and metainformation about the organization of specifically given information. The article discusses external reasons that predetermine the variability of understanding of a literary text.

Keywords: literary text; intercultural communication; understanding; translation; information.

Received: 04.07.2021

Accepted: 06.09.2021

Основные понятия

Художественный текст транслирует национально-специфические составляющие конкретной лингвокультурной общности, ее ценности, понятия, концепты, образы. Понимание текста предполагает его рассмотрение читателем как интерпретирующим субъектом в границах определенного ментального пространства.

Н.А. Рубакин [Рубакин, 1929] отмечал, что читатель не извлекает информацию и смысл из книги, а вкладывает в нее собственные смыслы и приписывает книге содержание, исходя из собственных представлений.

Смысловое пространство текста актуализируется только при обращении к тексту и в момент этого обращения.

* © Maslennikova E.M., 2021

Вариативность понимания художественного текста зависит от внутренних свойств и параметров текста, обусловленных его спецификацией, и от ряда внешних причин [Масленникова, 2012].

Внутренние свойства художественного текста – это: 1) многозначность; 2) амбивалентность семантики, позволяющая проследить связи слова и определить пределы его рефлексивности как взаимообратимости на себя и на широкий / узкий контекст; 3) полифоничность; 4) тип языка (жесткий или мягкий), позволяющий прогнозировать смысловое содержание текста; 5) тип текстопостроения; 6) клишированность / неклишированность структуры.

К внешним причинам, предопределяющим вариативность понимания художественного текста, относятся: 1) личностные особенности читателя, усматривающего в тексте заложенные в нем авторские смыслы и / или приписывающего тексту личностные смыслы; 2) коммуникативная установка читателя; 3) различия в индивидуальном опыте читателей; 4) временной фактор как пространственно-временной барьер, отделяющий читателя от автора; 5) национально-специфические компоненты культуры.

Переводчик как первичный читатель текста, изначально созданного автором для «своего» читателя из системы переводящего языка и культуры, относительно свободен в выборе путей поиска смысла.

Аналитика художественных произведений

Материалом для настоящей статьи послужили переводы произведений русских авторов на английский и французский языки, а английских авторов – на русский язык.

Селективный характер чтения и понимания («что–есть–текст–для–меня–здесь–и–сейчас») обусловлен также тем, что читатель может ориентироваться в первую очередь на информацию, релевантную контексту, и на отдельные элементы, которые оказываются и / или признаются контекстуально приоритетными в конкретный момент обращения к тексту. Например, в балладе «The Ballad of Reading Gaol» (1898) английского писателя и поэта О. Уайльда (1854–1900) нашла отражение легенда о немецком поэте-миннезингере Тангейзере, согласно которой Папа Римский назвал невозможным даровать ему отпущение грехов, так же как и невозможным цветение папского посоха. Расцветший посох явил миру прощение, дарованное Богом, а не людьми (*Since the barren*

staff the pilgrim bore / Bloomed in the great Pope's sight?). В «Балладе Рэдингской тюрьмы», переведенной Н. Воронель (1960), нет упоминания о Папе Римском, а *посох* стал целым *кустом*, т.е. читателю потребуются определенные усилия по расшифровке подтекста (*С тех пор как посох стал кустом / У странника в руках?*). Исторически английское слово *pilgrim* 'пилигрим, паломник; странник' обозначало странствующего богомольца, отправившегося на поклонение к святым местам, чтобы обрести душевную благодать. Переводчики начала XX в. оказались ближе к содержащемуся в тексте универсальному прецедентному феномену. К. Бальмонт в «Балладе Рэдингской тюрьмы» (1904) перечисляет основные составляющие, которые задают алгоритм его восприятия (*Пред папой – посох пилигрима / Вдруг все одел цвета!*). А В. Брюсов в своей «Балладе Рэдингской тюрьмы» (1915) восстанавливает имя как знак мифа (*С тех пор как посох Парсифаля / Цветами вдруг пророс?*), но это уже другой миф – миф о *Парсифале*, одном из героев цикла сказаний о короле Артуре. Личности *Парсифаля* и *Тангейзера* объединяет идея покаяния и дарованного отпущения грехов.

Приписывание тексту актуализируемого современного смысла зависит от изначальной коммуникативной установки читателя, предопределяющей в значительной мере «перепонимание» авторской установки под влиянием внешних и внутренних условий (особенности принимающей культуры, идеологические требования и / или ограничения, эстетическая позиция, имеющаяся система знаний и представлений и т.д.). Так, исследователи конца XX в. обнаруживают в шекспировских сонетах 35 и 36 «уайльдовские мотивы расплаты за постыдную любовь» [Гарин, 1994, с. 101], а советские шекспироведы середины XX в. видят в сонетном цикле «грозовые раскаты <...> гражданской войны и буржуазной революции» [Елистратова, 1949, с. 374], т.е. имеет место коррекция текста оригинала относительно иного социокультурного фона, отличительного для каждой эпохи. Если отталкиваться от предложенного Т.М. Дридзе понятия «смысловые ножницы» [Дридзе, 1984], то читатель отсекает не только всё непонятое как ненужное в текущий момент, исходя из принципа «что–есть–текст–для–меня–здесь–и–сейчас», но и то, с чем он в силу каких-либо обстоятельств не согласен.

Коммуникативная авторская интенция обуславливает выбор ключевых слов, их размещение в микро- и макроконтекстах, выбор стилистического приема и задает соответствующий стилистический смысл: «необходимость вербализировать внеязыковую референтную ситуацию через набор денотатов, несущих предметно-

логическое значение и передающих смысл высказывания, сама по себе порождает коннотативные смыслы: выбрать речевое средство – значит “как-то отнестись” и к речи и к выраженной им реальности» [Винокур, 1989, с. 18]. Поскольку перевод всегда реализуется в определенной социально-исторической и культурной обстановке, переводчики могут фиксировать актуальное в соответствии со сценарием «своего» времени. Когда рефлексия обращена на опыт переводчика и его переживание текста, то возникает новая иерархия ценностей. Иерархия антиценностей 1980-х годов заставляет переводчиков увидеть в строке шекспировского сонета 66 (*And gilded honour shamefully misplac'd...*) Пустоту, чья вся в наградах грудь (Р. Винонен, 1971) и *срам орденов и галунов* (В. Орёл, 1982).

Языковая личность переводчика акцентирует себя, на первый план выходят ценностные ориентации, наиболее актуальные для принимающей культуры. Так, переводчик басни «Мешок» (1809) И.А. Крылова (1768/69–1844) на французский язык поэт Франсуа-Огюст Парсеваль-Гранмезон / François-Auguste Parseval-Grandmaison (1759–1834) в своем переводе «Le Sac» обличает жадных предпринимателей, наживших состояние на войне (*Cette fable est pour vous, entrepreneurs avides, / Traitans qu'ont enrichis la guerre et ses subsides*), тогда как оригинал направлен против *откупщиков*, т.е. против тех, кто выкупил право на получение какого-либо вида государственных налогов. Чаще всего имеется в виду винный откуп. Если в оригинале у недавно разбогатевших богачей в друзьях оказались *графы и князья*, а в карты они играют теперь с *вельможей*, где раньше они не смели сесть в *прихожей*, то в переводе богач принят ко двору и пожимает руки министрам (*Vous serrez la main des ministres*). Таким образом, происходит определенная переориентация текста относительно актуальной на тот момент ситуации для принимающего вторичный текст социума.

Постоянная соотнесенность с конкретной ситуацией, репрезентируемой в тексте, позволяет говорить об интерпретационно-прогностическом характере текстовой коммуникации, когда деятельность читателя, в том числе переводчика как первичного читателя, находится под влиянием индивидуально-психических и социальных факторов.

Как подчеркивает В.А. Пищальникова, «личностный смысл – это модель, отображающая результат конкретной деятельности индивида», которая «задается отношением мотива, цели, условий деятельности» [Пищальникова, 2005, с. 287]. Столкновение в тексте Миров автора и читателя через получаемые проекции текста пред-

полагает актуализацию отдельных параметров их личностей, что также предопределяет выбор стратегий ассоциирования, которые, в свою очередь, зависят от культурной составляющей текстовой коммуникации. Личностное представление о тексте, его авторе, представленной ситуации и т.д. определяется внутренним контекстом читателя как внешнего наблюдателя. Видение ситуации, равно как и вхождение в нее, связано с определенными схемами знания.

Шотландский поэт Р. Бёрнс (1759–1796) в поэме «Там О’Shanter» / «Тэм О’Шэнтер» (1790) в числе страшных преступлений называет убийство отца, которому сын перерезал горло ножом. В.Д. Костомаров (1861) изменяет объект нападения (*зарезал сын родную мать*), конкретизировав оружие (*ножик ржавый*). Эмоциональность эпизода в изложении переводчика XIX в. добавляет эпитет (*родную мать*). Переводчик XX в. С.Я. Маршак (1950) постарался отдалить страшное событие от читателя (*Один кинжал, хранивший след / Отцеубийства древних лет*)¹. На столе во время шабаша оказываются языки трех адвокатов (*Three lawyers’ tongues*) и три черных сердца церковников (*Three priests’ hearts, rotten, black as muck*), причем для наименования последних было выбрано существительное *priest*, чаще всего используемое в отношении католического священнослужителя. Оставив адвокатов (*три трупа адвокатов*), В.Д. Костомаров убирает упоминание о священниках. С.Я. Маршак избегает скользкой темы (*Но тайну остальных улик / Не в силах рассказать язык*). Для описания жертвы преступления современный переводчик Ю. Князев (2003), опубликовавший свой перевод в Интернете (<http://lib.ru/POEZIQ/BERNS/burns2.txt#321>), выбирает просторечно-разговорную форму (*Папашу свой же сын зарезал*), а также сохраняет *три языка трех адвокатов* и *три сердца пресвятых отцов*.

Наряду с экстралингвистическими компонентами сообщения на степень открытости текста для интерпретации и читательской рефлексии влияет знакомство с традициями и правилами кодирования соответствующих смыслов, в том числе культурно-значимых и / или экзистенциальных. Рассмотрим выражения *of the old school* ‘старой школы, старой закалки’ и *old school tie* ‘старые школьные связи, узы, связывающие выпускников одного привилегированно-

¹ Отметим, что по данным «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru) и поискового онлайн-сервиса «Books Ngram Viewer» (<https://books.google.com/ngrams>) словосочетание *родную мать* имеет стабильную частотность и часто встречается в криминальных контекстах.

го учебного заведения'. Образы представителей *the old school*, старающихся сохранять приверженность консервативным взглядам и идеалам, старомодной одежде, широко представлены в английской литературе. Английские писатели часто обращаются к ностальгическим воспоминаниям о былом величии и могуществе страны, создавая образы героев на основе сложившихся лингвокультурных типажей с опорой на их характерные признаки (см. подробнее о лингвокультурных типажах в: [Карасик, 2010] и др.). В приводимом ниже примере главное в характеристике персонажа из романа «Curtain: Poirot's Last Case» (1975) А. Кристи (1890–1976) не его возраст, как утверждает переводчик (*типичная развалина*), а то, что он – приверженец старых идей и традиций: *Run by one of your so British old Colonels – very 'old school tie' and 'Poona'*. А. Christie. Curtain: Poirot's Last Case ↔ *Делами ведает некий старый британский полковник, типичная развалина*. А. Кристи. Занавес (Перевод С.Н. Шпака, 1991).

Выражение *old school tie* (буквально 'галстук старой школы') связано с традицией выпускников привилегированных частных школ носить галстук определенной цветовой расцветки, что позволяет определить «своих» как равных, поэтому галстук как часть прежней школьной формы указывает на социальную принадлежность человека. Во время британского правления в индийском городе *Poona* располагалась военная база, т.е. автор дает косвенное указание на место службы своего героя в колониях: *Его владеец – один из ваших полковников, таких британских до кончиков ногтей. Старая колониальная школа*. А. Кристи. Занавес: Последнее дело Пуаро (Перевод Е. Фрадкиной, 2000).

Вторичный текст как результат комплексной переводческой деятельности становится носителем социальной памяти, но возникает вероятность совмещения разноуровневых и одновременных событий. Прослеживается тенденция «пересматривать» оригинал, проецируя на него ценности своей группы и / или социума, которые берутся как эталон. При этом выстраиваемый модельный мир корректируется относительно внутреннего мира интерпретатора. Гендерная принадлежность переводчика как активного интерпретатора текста также находит свое отражение в получаемой текстовой проекции. Например, детский стишок «Mother may I go and bathe?» из «Mother Goose Rhymes» строится по принципу «вопрос – ответ»: дочка (*darling daughter*) просит у мамы разрешения пойти купаться. «Мужские» переводы И. Родина (*можно искупаться*) и Г. Варденги (*можно мне поплавать*) носят обезличенный харак-

тер. Третий «мужской» перевод Ю. Сабанцева начинается с просторечного обращения к мамане. В «женский» детализированный перевод Т.И. Поповой, расшифровавшей *clothes* как *носочки* и *платье*, попадает мамулечка, которая ищет купальник дочери.

«Плотность» ментального пространства определяется его культурной напряженностью. Интерпретация предполагает поиск подтекстовых смыслов, тогда как обращение к инокультурному тексту приводит к расширению границ культурного диапазона, но «перепонимание» текста способно привести к сбоям в системе передаваемых культурных ценностей.

В повести «Peter Pan» (1904) Дж. Барри (1860–1937) фея по имени *Tinker Bell* постоянно сопровождает главного героя. Поскольку, «когда коммуниканты придают особое значение правильности интерпретации (пониманию) письменного сообщения, письменные тексты всегда содержат дополнительные сведения, облегчающие адресату восстановление структуры» коммуникативного акта [Тарасов, 1979, с. 101], то автор, во-первых, объясняет происхождение имени *Tinker Bell* издаваемыми звуками *like a tinkle of bells*, во-вторых, дает описание ее внешности, отмечая с чисто викторианской сдержанностью склонность феи к полноте (*inclined to embonpoint*). Читатель узнает, что фея отличается чрезмерной заботой об одежде и внешности, вздорным поведением, ревниво относится к Венди, ругается, а подобные черты поведения выдают, по мнению К. Фокс [Фокс, 2011], низкое социальное происхождение индивида или, словами героя повести, *a common fairy*, которая к тому же занимается неприемлемым для настоящей леди физическим трудом (*she mends pots and kettles*). Дж. Барри тонко отмечает все социальные нюансы: герой упоминает о низком происхождении феи (*quite a common fairy*) для того, чтобы извинить ее поведение и грубость. Будучи простого происхождения, фея не может справиться со своими эмоциями (*face was still distorted with passion*) и грубит (*using offensive language*). И. Токмакова (1981) сочиняет рабочую биографию феи (*Она летала от одного дома к другому <...> и своим мелодичным голоском вызванивала: «Чинить-паять, кастрюльки починять»*), добавляя примету старого русского быта с бродячими ремесленниками (*чинить-паять*).

В силу нахождения в одном культурном пространстве коммуникативные установки, ценности, этические и эстетические нормы, эксплицитно и имплицитно включенные в текст символы считаются и, наоборот, при расхождении культурных про-

странств и / или их удалении друг от друга, они, оставшись непонятыми, исчезают или теряются.

В английских аристократических семьях существовала традиция, предписывающая сыну идти по стопам отца и поступать на службу во флот или армию. Часто в семейных хрониках содержалось упоминание о великих военачальниках, адмиралах и полководцах, под чьим началом служили предки. В следующем отрывке из рассказа «The Cretan Bull» (1939) А. Кристи упоминается имя прославленного английского мореплавателя *Walter Raleigh*, принявшего участие в разгроме испанской «Непобедимой Армады» в 1588 г.: *Hugh's the only son. He went into the Army – all the Chandlers are sailors – it's a sort of tradition – ever since Sir Gilbert Chandler sailed with Sir Walter Raleigh in fifteen-something-or-other.* А. Кристи. The Cretan Bull.

В рассказе указывается, что поместье, где происходят основные события, принадлежит семье со времен королевы Елизаветы I (1533–1603): *... it has been in the Chandler family since the time of Elizabeth.* А. Кристи. The Cretan Bull. В. Тирдатов (2003) восстанавливает лауну через комментарий в сноске, уточняя, что «Роли Уолтер (1554–1618) – английский мореплаватель». Внимательный и эрудированный читатель, знающий, что благодаря своим морским успехам, мореплаватель, пользовавшийся королевской милостью, получил рыцарство, построит причинно-следственную цепочку: если предок героя плавал с сэром Роли, то и поместье могло быть даровано ему королевой: *Хью – единственный сын. Он пошел служить во флот – все Чандлеры моряки; это стало традицией с тех пор, как сэр Гилберт Чандлер плавал с сэром Уолтером Роли в тысяча пятьсот каком-то году.* А. Кристи. Критский бык (перевод В.В. Тирдатова).

Для имени *Walter Raleigh* в русском языке имеется несколько отличающихся друг от друга соответствий-дублетов: *Уолтер Роли / Рали / Рэли / Ралей / Рейли*. Тем не менее в одном из переводов рассказа появляется неизвестный мореплаватель по имени *Уолтер Ральф*, из-за чего временная соотнесенность оказывается нарушенной в силу ложной атрибуции актуализируемых в тексте событий и / или действий: *Хьюго – единственный ребенок в семье. Он поступил в военно-морской флот: все Чандлеры – моряки, это своеобразная традиция, она тянется приблизительно с пятнадцатого века, когда сэр Гилберт Чандлер плавал с сэром Уолтером Ральфом.* А. Кристи. Критский бык (перевод Л. Жуковой, 1991).

Выводы

С увеличением пространственно-временной дистанции, разделяющей автора и читателя, снижается уровень декодирования первичной информации, т.е. действует обратно пропорциональная зависимость. Временные параметры определяют объем информационной базы и когнитивного опыта, имеющихся у индивида, который работает в соответствующей когнитивно-дискурсивной парадигме. Когда переводчик руководствуется собственной системой установок, то вторичный текст получает качественные и ценностно-смысловые изменения. Становится возможным приписывать тексту новые коммуникативные статусы, усиливать / ослаблять исходный контекст, обогащать / ослаблять ценностный компонент Мира текста. Изменение норм и ценностей, заложенных в оригинал автором, подразумевает полное или частичное преобразование Мира текста в соответствии с новыми условиями и целями переводческой деятельности. Возможны изменения в осознаваемых и неосознаваемых ценностях и ценностных ориентирах, присущих культурному социуму.

Список литературы

- Винокур Т.Г.* К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность. – Москва : Наука, 1989. – С. 11–23.
- Гарин И.И.* Поэты и пророки. – Москва : Терра, 1994. – Т. 6. – 606 с.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – Москва : Наука, 1984. – 268 с.
- Елистратова А.* Живое создание поэзии // Новые успехи советской литературы. – Москва : Советский писатель, 1949. – С. 370–378.
- Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.
- Масленникова Е.М.* Художественный перевод: модели и моделирование. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2012. – 184 с.
- Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики. – Москва : МГЛУ, 2005. – 296 с.
- Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги. Краткое введение в библиографическую психологию. – Москва ; Ленинград : Гос. изд., 1929. – 308 с.
- Тарасов Е.Ф.* К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – Москва : Наука, 1979. – С. 5–147.
- Фокс К.* Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. – Москва : Рипол классик, 2011. – 512 с.

References

- Vinokur, T.G. (1989). K kharakteristike govoryashchego. Intentsiya i reaktsiya [To the characteristics of the speaker. Intention and reaction]. In: Shmelev, D.N. (Ed.), *Yazyk i lichnost'* [Language and personality] (pp. 11–23). Moscow: Nauka.
- Garin, I.I. (1994). *Poety i proroki* [Poets and Prophets]. Vol. 6. Moscow: Terra.
- Dridze, T.M. (1984). *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii* [Textual activity in the structure of social communication]. Moscow: Nauka.
- Yelistratova, A. (1949). Zhivoye sozdaniye poezii [Living creation of poetry]. In: *Novyye uspekhi sovetskoy literatury* [New successes of Soviet literature]. Moscow: Soviet Writer.
- Karasik, V.I. (2010). *Yazykovaya kristallizatsiya smysla* [Linguistic crystallization of meaning]. Volgograd: Paradigma.
- Maslennikova, E.M. (2012). *Khudozhestvennyy perevod: modeli i modelirovaniye* [Literary translation: models and modelling]. Tver: Tver State University.
- Pishchalnikova, V.A. (2005). *Istoriya i teoriya psikholingvistiki* [History and theory of psycholinguistics]. Moscow: Moscow State Linguistic University.
- Rubakin, N.A. (1929). *Psikhologiya chitatelya i knigi. Kratkoye vvedeniye v bibliograficheskuyu psikhologiyu* [Psychology of the reader and the book. A Brief Introduction to Bibliographic Psychology]. Moscow; Leningrad: State Publishing House of the RSFSR.
- Tarasov, E.F. (1979). K postroyeniyu teorii rechevoy kommunikatsii [Towards the construction of the theory of speech communication]. In: *Teoreticheskiye i prikladnyye problemy rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied problems of speech communication]. Moscow, Nauka.
- Fox, K. (2011). *Nablyudaya za anglichanami. Skrytyye pravila povedeniya* [Watching the British. The Hidden Rules of English Behaviour]. Moscow: Ripol Classic.